

Пародии о ГУЛАГе

Тема не очень располагает к юмору. Однако таковы особенности пародии – она не знает границ и не укладывается в канонические рамки. Пародия везде, где есть жизнь. Гулаговская тема обширна и серьезна, и здесь будут обозначены подступы к ней на примере двух пародийных циклов: Л. Кассиля и В. Лапина "Разговор костистых с мастистыми" о знаменитой экспедиции писателей по Беломоро-Балтийскому каналу и неизвестного автора-заключенного "Что кто из поэтов написал бы по прибытии на Соловки". Оба цикла написаны примерно в одно время – конец 20-х – начало 30-х годов – и посвящены одному вопросу: ГУЛАГу. Ну, а подход к теме, естественно, различен, как различно было положение авторов, создавших циклы.

Известна нынешняя болезненная реакция общественности на поездку М. Горького в Соловки в 1929 году и экспедицию писателей на Беломоро-Балтийский, канал. Конечно, это были беспримерные по цинизму мероприятия. Сейчас трудно судить, какие впечатления вынесли писатели из этих поездок: то ли они ничего не видели, то ли не хотели видеть, то ли видели и понимали все... Однозначно можно сказать, что идеологи стих мероприятий не просчитались: экскурсанты вели себя так, как и предполагали организаторы.

О чем говорят в пародиях писатели, только что столкнувшиеся с зоной, с подневольным рабским трудом? О чем угодно, как будто они едут на курорт, на первом месте у них собственное "я", прихотливо переплетающееся с изящными фантазиями не по существу. За каждым персонажем цикла видится этакая пресыщенность, равнодушие, бравоирование возможностью говорить о чем попало. Практически сама тема Беломоро-Балтийского канала и людских судеб, связанных с ним, всерьез и не возникает, оставаясь вынесенной за скобки: она не затронула души писателей.

Наоборот, в пародиях из Соловков чувства сконцентрированы. С точки зрения классического пародийного цикла он является как бы циклом наоборот. Обычно в таких пародиях взятая за основу тема дробится, и каждый из осколочков представляет собой как бы отдельное мнение конкретного персонажа. В творениях неизвестного автора все происходит иначе. Постепенно из осколочного мнения каждого персонажа вырастает общая картина, ужасающая в своей сути, ибо суть эта – стон человека, бездна отчаяния и беспросветности. За полуанекдотическим приемом – высказывания классиков о концлагере – во весь рост встает проблема ответственности литературы как средства понимания и осмысления человеческого бытия, происходящей в стране трагедии. И в этом свете бытовая трескотня "инженеров человеческих душ" резко контрастирует с мнениями персонажей гулаговского цикла, рассматривающих трагедию заключенных изнутри, а не снаружи, как у Кассиля и Лапина.

Аркадий ВАЙНЕР, Эдуард КУЗНЕЦОВ

Разговор костистых с мастистыми

(из стенгазеты "За душевное слово" экспедиции писателей по Беломоро-Балтийскому каналу на теплоходе)

Катаев (не Иван)

Кончив на 45-м километре Мурм. ж-д. 250-й лист своего нового колхозно-трюкового романа "Без метафор" (так как во Франции все кондуктриссы говорят метафорами) и воведил "Площадь треугольника" из жизни политотдельцев, я занят сейчас обработкой богатейшего материала, собранного мной во время 10-минутной остановки на станции Петропавловск. Это будет широкое полотно, охватывающее 100.000 биографий ударников, 378 километро-листов, 150.000 кубометров лесоводы.

Я пишу свой роман свободной реалистической кистью в манере основоположников револютаризма (Золя, Флобера, Стендаля, Авербаха, Эврипида, Стенича), свойственной мне. Пора ударить по дешевой образности деклассированных бульварьдье: во Франции все сапожники говорят метафорами.

Л. Леонов

Еще на даче в Барвихе я замыслил создать на материале нашей беспримерной поездки психологический роман "Перековчуки" из жизни молодых перековавшихся иноков монастыря святого Иегупия на Ходульцах, получивших крепкую трудовую заверть в стылой остеклянености замшелой береговизны северных рек. Этот роман станет настольной книгой для молодых поколений в грядущих веках.

Е. Габрилович

дал нам отрывок из рассказа "Август" из книги "Дожди, банкеты, вагоны".

"...Сын был юн. Он думал. Он курил. Он чесался. Он кашлял. Он перековывался. Он вышел на улицу. Мороз крепчал. Светила луна. Пел петух. Кричала собака. Дымился снег. Шли гулаговцы. Он сделал шаг вперед. Он думал. Он почесывался. Сосна. Небо. Солома. Сено. Овес..."

М. Зощенко

Еду я, братцы мои гражданочки, на Беломорстрой. Оргкомитет меня в эту поездку втравил. А сели ночью. Не видать ни хрена. Не то взад едем, не то

вперед. А тут еще купец Иринин подсел, маленько окосевши. Теперь утром смотрю в окно. Посветлело. Констатирую я при этой ситуации, что прем мы, братцы, на север. Пальмы тут не растут. Бананы населению не выдаются. Молодость проходит. Вот уж и женщины чевои-то не так на мою морду интересуются. А вы говорите — искусство, актуальность. Знаем. Писали.

Что кто из поэтов написал бы по прибытии на Соловки

А. Блок

По вечерам над соловчанами
Весенний воздух мглист и сыр,
И правит окриками пьяными
Суровый ротный командир.
 А там, за далью принудительной,
 Над пылью повседневных скук
 СЛОН* серебрится упоительный
 И раздается чей-то "стук".
А дальше, за постами самыми, —
Касаясь трепетной руки,
Среди канав гуляют с дамами
Рискующие остряки.
 И каждый вечер омрачающим
 Туманом полон небосклон,
 И я опять неубывающим
 Остатком срока оглушен.
А рядом, у дневальных столиков,
Проверок записи торчат,
И ротные противней кроликов,
"Сдавайте сведенья", — кричат.
 И каждый вечер в час назначенный,
 Иль это только снится мне,
 Девичий стан, бушлатом схваченный,
 В казенном движется окне.
И медленно пройдя меж ротами,
Без надзирателя — одна,
Томима общими заботами,
Она садится у бревна.

*СЛОН — Соловецкие лагеря особого назначения.

И веет тягостным поверьем
Метелка в узенькой руке,
Полна Особым Назначением,
Нога в болотном сапоге.
Сибирь и минусы склоненные
В моем качаются мозгу,
И сроки длинные, бездонные
Цветут на синем берегу.
Глухие тайны мне поручены,
Мне чьи-то сроки вручены,
И все души моей излучины
Осенней скукою полны.

С. Есенин

Недошедшее "Письмо к матери"

Ты еще жива, моя старушка,
Жив и я. Привет тебе, привет...
Получил в посылке я подушку
И цилиндр с парюю штиблет.
Слышал я, тая тоску во взоре,
Ты взгрустнула шибко обо мне.
Ты так часто ходишь к прокурору
В старомодном ветхом шушуне.
Ничего, родная, успокойся...
Не грусти на дальнем берегу.
Я хотя отчаянный пропойца,
Но без водки — спиться не могу.
Я по-прежнему такой же нежный,
И мечта одна лишь в сердце есть:
Чтоб скорей от этой вьюги снежной
Возвратиться к нам — на минус шесть.
Я приду, когда раскинет ветви
Сад, купаясь в розовости вод,
Только ты меня уж на рассвете
Не буди, как в роте на развод.
Не томи ж меня прощальным взором,
Не грусти так шибко обо мне,
Не ходи так часто к прокурору
В старомодном ветхом шушуне.

Козьма Прутков

Из мыслей и афоризмов на Соловках

Никто не отсидит неотсидимого.

Избегай числа 58, даже не будучи суеверным.

Петух пробуждается рано, а нарядчик еще раньше.

Козыряй!

Продолжать сидеть легче, чем окончить.

И уборщица имеет врагов.

Если у тебя есть блат — заткни его. Дать отдых нужно и блату.

Сиди!

Если на воротах Пункта прочтешь надпись "Загородный сад Ливадия" — не верь глазам своим.

Цикл Л. Кассиля и Р. Лапина опубликован в "Литературной газете"
за 1933 год, № 40

Пародии о Соловках перепечатаны "Литературной Россией"
в 1989 году, № 2

